

Глава 33. Чувство гнёта

После долгой, изматывающей страсти Янь Шань провалился в глубокий, тяжёлый сон.

Лу Цунбай поцеловал его в закрытые веки, поднялся и начал одеваться.

Янь Шань, свернувшийся под одеялом, внезапно подал голос:

— Ты куда?

Лу Цунбай на мгновение замер, застегивая пуговицу. Он обернулся и улыбнулся, его голос звучал слегка хрипло:

— Нужно уладить кое-какие дела по работе.

— Какие такие дела в три-четыре часа ночи? — проворчал Янь Шань и сладко зевнул.

Лу Цунбай с нескрываемой нежностью погладил его по волосам. Помедлив, словно не в силах оторваться, он негромко прошептал:

— Ты же знаешь, в компании вечно ворох нерешённых вопросов.

Янь Шань что-то неразборчиво пробормотал, перевернулся на другой бок и закутался в одеяло, точно в кокон.

— Сделал дело и сразу в бега? — донеслось из-под перины капризное сопение. — Попользовался и бросил, бессердечный ты человек. Ладно, катись уже, я спать хочу.

Лу Цунбай невольно усмехнулся — в этом жесте сквозила горечь пополам с обожанием.

Глубокая ночь. У термальных источников отеля не осталось ни души.

Лу Цунбай, накинув банный халат, присел на валун у самой кромки воды, небрежно закинув ногу на ногу. Подозвав официанта, он заказал стакан свеже сваренного соевого молока и, неторопливо попивая его, открыл почту в телефоне.

Там висело лишь одно сообщение от Вэнь Чжаочжао:

«ОК».

Работает быстро. Похоже, с той группой людей она уже разобралась. Это значительно упрощало задачу: теперь он мог сосредоточить все силы на другом противнике.

Лу Цунбай поставил стакан и набрал номер.

— Шэнь Линь.

На том конце провода послышался короткий смешок. Тон собеседника был нарочито небрежным:

— Господин великий президент Лу, чем обязан в столь поздний час?

Лу Цунбай смотрел на колышущуюся гладь воды. Его голос был обманчиво спокоен:

— Я предупреждал тебя: не приближайся к Янь Шаню. Ты не послушал.

Шэнь Линь даже не пытался отпираться.

— Я его не заставлял. Ты и сам слышал — у него есть идеи для сотрудничества. Ты не сможешь вечно держать его в золотой клетке.

— Какой бы простор ему ни требовался, я очерчу круг соответствующих размеров, — отрезал Лу Цунбай. — Я не собираюсь им манипулировать, но я обязан гарантировать его безопасность.

— Ты не сможешь, — парировал Шэнь Линь.

— Раньше, возможно, и не мог. Теперь — смогу.

— Я тебе не верю, — Шэнь Линь холодно усмехнулся. — Лу Цунбай, вспомни, до какого состояния ты его довёл. Ты и есть главная угроза для него. Рано или поздно он всё вспомнит. Сколько бы ты ни запрещал мне видеться с ним, я найду способ рассказать ему о твоих «подвигах». И когда память вернётся, он, может, и разозлится на меня за разрушенные грёзы, но ненавидеть тебя он будет точно. Я заставлю его вспомнить прошлое, и тогда он сам, по доброй воле, уйдёт со мной.

Лу Цунбай лишь тихо рассмеялся, задумчиво водя пальцем по краю стакана. Он поднёс его к свету, разглядывая мутную жидкость.

— Если ты действительно знаешь способ его исцелить, я буду тебе искренне признателен, —

безжизненно произнёс он. — Я мечтаю об этом. Но он никогда не уйдёт с тобой. Он этого не захочет.

— Неужели? — голос Шэнь Линя сочился ядом. — Я изучил все его вкусы, знаю каждую его привычку. Я понимаю его стремления лучше, чем ты. В конце концов, я познакомился с ним раньше тебя. В этой игре у меня нет слабых мест. Лу Цунбай, я тебе не проиграю.

Лу Цунбай ничего не ответил. Он просто зашёл в почту и отправил Шэнь Линю файл с программой самоуничтожения. Сделав глоток молока, он негромко добавил:

— Посмотри. И... не забудь прибавить звук.

Файл представлял собой многократно зашифрованное видео. Темнота, едва различимые очертания тел, прерывистое дыхание и шепот. Голос Янь Шаня звучал хрипло, почти надрывно.

Видео длилось всего девять секунд. Как только воспроизведение закончилось, файл мгновенно стёрся из папки «Входящие», уничтожая исходные данные без возможности восстановления.

Наступила тишина. Шэнь Линь молчал долго.

Лу Цунбай поставил пустой стакан.

— Ты уже проиграл.

Шэнь Линь не находил слов. Лишь спустя минуту он процедил сквозь зубы:

— Лу Цунбай... Ты чёртов псих. Ты вообще границ не видишь?

Лу Цунбай расслабленно откинулся на камни, наслаждаясь моментом.

— Ревнуешь? Когда мы вместе, он становится... крайне эмоциональным.

В памяти Шэнь Линя всё ещё стояли звуки из того короткого ролика:

«А-Цэ... не надо, не останавливайся... М-м-м...»

«Ты любишь меня?»

«Люблю... Я тебя люблю...»

«Умница».

Шэнь Линь, которого редко можно было застать врасплох, едва слышно выругался:

— ... Твою мать.

— Тебе стоит уяснить одну вещь, — продолжил Лу Цунбай. — То, что я до сих пор не уничтожил тебя, не имеет отношения к твоей силе. Я просто не хочу расстраивать Янь Шаня. Его психика сейчас в норме. Веди себя смирно.

Он взглянул на часы. Время позднее. Малыш Шань, должно быть, крепко спит. Нужно поскорее вернуться и обнять его, чтобы тот не проснулся от кошмаров.

Лу Цунбай потерял к собеседнику всякий интерес.

— Повторяю условия. Первое: никаких встреч с Янь Шанем. Второе: ты не смеешь говорить ему, кто ты такой. Если выполнишь это, можешь пытаться угодать ему сколько влезет, отдавай хоть все свои контракты — мне плевать. Но если ты снова нарушишь договор... Слив акций, обвал котировок, налоговые проверки... У меня запасено множество способов тихо стереть тебя из этой жизни так, что он никогда не узнает о твоём существовании.

Шэнь Линь помолчал, сменив тон на более сдержанный:

— Я понял. Пока я тебе не ровня. Но думаешь, ты вечно будешь в покое? Не забывай, тогда он просто хотел уйти, но не мог.

— Если он всё вспомнит и захочет уйти, я ему помогу, — бросил Шэнь Линь напоследок. — И ты его не удержишь.

— Этого дня не наступит, — отрезал Лу Цунбай.

Янь Шань спал беспокойно. Возможно, виной тому была ночная близость, но его преследовали дурные сны.

Ему снилось, будто Лу Цунбай стоит на краю крыши высокого здания, собираясь прыгнуть. Перепуганный до смерти, Янь Шань бросился к нему, попытался схватить за руку, но пальцы скользнули по пустоте. Он зажмурился, не в силах смотреть вниз... и проснулся.

Сквозь пелену сна он почувствовал, как чьи-то руки притянули его к себе. Лу Цунбай

осторожно похлопывал его по спине, успокаивая. Послышался тихий, ласковый смех:

— Стоит присниться кошмару, и ты сразу превращаешься в маленького щенка: плачешь и скулишь. Что же тебе такое привиделось?.. Ну всё, всё хорошо, не бойся...

Янь Шань инстинктивно прижался к этому источнику тепла и невнятно всхлипнул:

— А-Цэ...

Лу Цунбай поцеловал его в переносицу.

— Я здесь. Спи.

Знакомый запах успокаивал. Янь Шань принюхался, затих и снова погрузился в сон. На этот раз кошмары не возвращались.

Он принимал препараты для лечения ментальных расстройств, и иногда побочные эффекты проявлялись в странных или пугающих сновидениях, но это было ничто по сравнению с тем, что он пережил несколько лет назад. Тогда он вовсе не мог сомкнуть глаз: часами лежал в темноте, уставившись в пустоту. И хотя Лу Цунбай всегда был рядом, Янь Шаню казалось, будто он заперт в плотном пластиковом мешке, отрезавшем его от всего мира.

Сейчас ему стало гораздо легче. Тело налилось легкостью, исчезло то давящее чувство, словно к ногам привязали куски бетона. И всё благодаря А-Цэ, который неустанно следил за его лечением.

Когда в комнату ворвался яркий дневной свет, Янь Шань наконец выпался. Он открыл глаза и сладко потянулся. Почувствовав рядом тепло, он тут же перекатился и навалился сверху на Лу Цунбая, затекая возню.

Тот листал что-то в телефоне. Когда Янь Шань боднул его в грудь, Лу Цунбай не успел увернуться — подбородок встретился со лбом «нападавшего». Послышался глухой стук.

— Ох... — простонал Лу Цунбай, со смехом потирая ушибленное место. — Вижу, ты отлично выпался. С самого утра такой активный.

Янь Шань обхватил его, точно плюшевого медведя, и принялся ластиться.

— Чем займёмся сегодня?

— Сегодня никаких дел, — отозвался Лу Цунбай. — Всё, как ты захочешь.

— Отлично, — оживился Янь Шань. — Тогда съездим на кладбище к бабушке, а потом навестим дядю и тётю. Завтра уже домой, нужно ещё успеть заскочить к Девятому дяде, попрощаться.

Лу Цунбай погладил его по голове.

— Нужно приготовить конверты с деньгами. В машине есть бутылка шампанского — отвезём Девятому дяде. Я не силен в светских беседах, так что в этом деле полагаюсь на тебя.

Хотя эмоциональный интеллект Лу Цунбая заметно подрос, в некоторых вопросах детские травмы всё ещё давали о себе знать: он терпеть не мог общаться с родственниками и знакомыми. Благо, Янь Шань был в этом мастером.

— Значит так, — принялся планировать Янь Шань. — Сначала на Общественное кладбище. Купим цветы в городе, там выбор больше и букеты красивее. Для дяди нужно собрать три конверта: один старикам, второй на лекарства маме и третий для Бубу. Девочка вечно боится, что она здесь чужая, бедняжка. Нужно уделить ей побольше внимания.

Лу Цунбай нахмурился:

—... Кто такая Бубу?

Янь Шань легонько хлопнул его по плечу:

— Девочка, которую дядя удочерил в прошлом году! Ей скоро десять. Ты что, забыл?

Лу Цунбай потер место удара и смущённо пробормотал:

— Вылетело из головы. На прошлый Новый год она всё время от меня пряталась. Даже конверт брать не хотела. Я даже не помню, как она выглядит.

— А чего ты хотел с таким лицом? — хмыкнул Янь Шань. — Вечно сидишь молчаливым истуканом. Вот посмотри на меня: пара улыбок, несколько ласковых слов — и она уже заговорила, даже звала меня гулять в сад.

Лу Цунбай почувствовал укол обиды.

— Я не специально... Просто не знал, что ей сказать. Почему ты ей нравишься, а я — нет?

— Всё нормально, я тебя понимаю. Ты всегда таким был — неисправимый социофоб, — утешил его Янь Шань.

Когда «старый социофоб» сталкивается с «маленьким аутистом», результат предсказуем. То ли дело Янь Шань: прирождённый любитель шумных компаний, он со временем развил в себе талант притягивать к себе нелюдимых личностей. И в своё время Лу Цунбай, и теперь маленькая Бубу — все они обожали шептаться с Янь Шанем о сокровенном, когда никто не видел.

Лу Цунбай почувствовал легкую ревность.

— То, что ты ей нравишься — это, конечно, хорошо...

— Опять ревнуешь? — Янь Шань расхохотался. — Ты уже большой и сильный мальчик, на тебя можно положиться, поэтому я могу позволить себе помогать другим маленьким «социофобчикам».

Раз уж не суждено стать «альфой», можно побыть добрым бодхисаттвой — нести свет и утешение всем страждущим.

Лу Цунбай крепко обнял его.

— Нет. Твоё внимание должно принадлежать только мне.

Янь Шань, уткнувшись ему в грудь, глухо пробормотал:

— Мелко мыслишь, Господин Лу.

— Мне плевать. Пусть другие ищут надежду в ком-то другом. А ты — только мой, — не унимался Лу Цунбай.

Янь Шань не придавал этому значения. Он решил, что Лу Цунбай просто дурачится после пробуждения, и со смехом отшутился.

Могила бабушки была на прежнем месте. Когда-то Лу Цунбай отдал все свои сбережения, чтобы выкупить этот участок, и за годы его стоимость выросла втрое.

Надгробие, омытое ветрами и дождями, уже не сияло новизной, но Лу Цунбай при каждом посещении приносил воду и ветошь, тщательно отмывая камень до блеска.

Сосны и кипарисы позади выросли огромными, раскинув густую тень. Янь Шань помнил, как в его первый приезд это были лишь хилые саженцы, едва живые, а теперь они превратились в

могучие деревья.

Совсем как Лу Цунбай.

Пока тот ходил за водой, Янь Шань поправил цветы у памятника и принялся вполголоса «беседовать» с покойной:

— Бабуля, за столько лет вы наверняка ко мне привыкли. Я очень похож на отца. Если встретите его там, передайте, пожалуйста, что у меня всё хорошо. Те обиды и побои... я на него больше зла не держу.

— Мама сбежала рано, и я не знаю, жива она или нет. Если она тоже там... скажите ей, что я в порядке. Выбился в люди.

Мысли его блуждали где-то далеко, пока он неторопливо сметал палую листву. Когда Лу Цунбай вернулся, Янь Шань уступил ему место и присел рядом, помогая протирать постамент. Чёрный мрамор легко поддавался чистке — нужно было лишь смахнуть пыль.

Янь Шань работал сосредоточенно, пока не услышал, как Лу Цунбай угрюмо бормочет под нос:

— В мире полно плохих людей... Бабушка, упаси, чтобы моего мужа кто-нибудь не увел. Столько народу на него заглядывается...

Янь Шань не выдержал:

— Пф-ф-ха-ха!

А он-то думал, Лу Цунбай предаётся печальным воспоминаниям, даже голос боялся повысить! Оказывается, вот что у него в голове. О чем только думает этот Господин Лу целыми днями?

— С чего вдруг такая паника? — весело спросил Янь Шань. — Уж не скрываешь ли ты от меня чего?

Лу Цунбай серьезно ответил:

— Ничего. Просто чувствую небольшое давление.

— И кто же на тебя давит? — удивился Янь Шань. На такого-то человека!

Лу Цунбай промолчал.

Явно что-то скрывает. Янь Шань прищурился, бросив на него подозрительный взгляд. Лу Цунбай посмотрел в ответ — открыто и непоколебимо.

Янь Шань вздохнул. В том, что его партнер повзрослел, были свои минусы. Будь это прежний прямодушный Господин Лу, всё, что у него на уме, можно было бы прочесть по лицу. А теперь он научился прятать мысли, и гадать было бесполезно — нужны были улики.

Лу Цунбай, похоже, и сам понял, что сболтнул лишнего, поэтому остаток дня был предельно осторожен. Ни единого намека. Янь Шань так ничего и не разузнал.

После полудня они отправились к дяде Лу Цунбая. Тот вместе с женой помогал племяннику все школьные годы и продолжал поддерживать его до самого выпуска из университета. И хотя в студенчестве Лу Цунбай уже сам зарабатывал, тётя всё равно переживала, считая, что он просто хорохорится. Боясь, что парень останется голодным, она ежемесячно переводила ему по шестьсот юаней.

Разбогатев, Лу Цунбай вернул все долги и помог дяде открыть супермаркет, наняв туда штат сотрудников. Старикам оставалось лишь присматривать за делами. Он делал это из чувства глубокой признательности, но родственники чувствовали себя не в своей тарелке: принимать такие щедрые дары от младшего поколения казалось им неправильным.

Янь Шань взял на себя роль посредника:

— Тётушка, ну мы же договаривались: как только он выбьется в люди — всё вернёт. Зачем же вы снова за своё?

В руках у тёти оказался пухлый красный конверт. Она так разволновалась, что у неё даже шея покраснела, и наотрез отказалась брать деньги.

— Мы просто помогали от чистого сердца! Нам с дядей ничего не нужно от него. Вы и так дали слишком много. Хватит, правда, хватит.

Янь Шань был непреклонен:

— Ничего не хватит! Если бы не те ваши сотни на еду, его бы сейчас здесь не было.

Он говорил мягко и убедительно, втолковывая ей, что Бубу сейчас учится и ей нужны деньги. Мол, Лу Цунбай и так долго думал, как лучше поступить, и Янь Шаню едва удалось отговорить его от покупки квартиры для них.

Тётя всё твердила: «Нет-нет, мы не заслужили».

Пока эти двое вели свои дипломатические баталии, дядя с племянником застыли, точно два каменных изваяния. Первый угрюмо дымил сигаретой, а Лу Цунбай стоял у двери, засунув руки в карманы и всем видом показывая, что к нему лучше не подходить.

Тётя вдруг обернулась и прикрикнула:

— Дядя, ну скажи хоть слово!

Дядя вздрогнул, выронив пепел, поднялся и неловко пригладил штанины.

— Э-э... Сяо Шань, ну в самом деле...

Янь Шань стоял на своём:

— Нет, деньги нужно взять. Вы столько трудились! — Он тоже обернулся и позвал: — Лу Цунбай!

Тот весь подобрался, помедлил и нехотя выдавил из себя:

— Тётя...

Та снова прикрикнула:

— Что «тётя»! Вы оба там, в большом городе, жилы рвёте, вам тоже непросто! Не возьму я денег!

Лу Цунбай вжал голову в плечи и попятился.

В жизни каждого человека есть свои странные страхи. Лу Цунбай прошел огонь и воду, превратившись из бедного студента в могущественного президента. Он научился управлять людьми, используя и кнут, и пряник, чтобы добиваться своего. Но сегодня перед собственной тётей он спасовал и не смел даже пикнуть.

Зато Янь Шань не сдавался. В конце концов, применив всю свою хитрость, он заставил тётю принять конверт. Так Лу Цунбай окончательно закрыл старый долг перед семьёй — хотя те вовсе и не считали это долгом.

Когда пришло время ужина и тётя пригласила их к столу, Лу Цунбай внезапно засуетился. Ссылаясь на неотложные дела, он решительно отказался оставаться.

Тёте ничего не оставалось, как посоветоваться с мужем и собрать им что-нибудь в дорогу. Сначала хотели дать местных деликатесов из города Т, но решили, что это как-то несолидно. В итоге вспомнили про партию импортных тыкв, которые только привезли в супермаркет — очень вкусных и редких. Ими забили несколько ящиков и загрузили в багажник их холёного авто.

На фоне роскошной машины гора тыкв смотрелась нелепо и даже комично, отчего тётя снова густо покраснела. Но Янь Шань тут же ввернул, что как раз собирался заняться здоровьем, и врач советовал ему есть побольше тыквы, так что подарок пришелся как нельзя кстати. Только тогда тётя облегчённо вздохнула.

Пора возвращаться в город А.

Янь Шань помахал дяде и тёте из окна машины. Как только их силуэты скрылись из виду, он повернулся к Лу Цунбаю, решив потребовать объяснений.

— Почему ты так рвался уехать?

Лу Цунбай сосредоточенно крутил руль.

— Нужно разобраться с работой.

Янь Шань возмутился:

— Не ври мне! Ты просто испугался, что Бубу вернётся из школы?

Было около четырёх — как раз время, когда младшеклассники возвращаются домой. Невероятно: великий господин Лу боится десятилетнего ребёнка!

Лу Цунбай снова замолчал. Он не умел лгать, а молчание в его случае означало признание вины.

Янь Шань поразился ещё больше:

— Неужели даже дети могут на тебя так давить?

Лу Цунбай тихо выдохнул:

—... Да.

Сам признался. Это было выше всякого понимания. Янь Шань внимательно посмотрел на него.

— А я-то думал, ты вырос всемогущим и бесстрашным воином.

Лу Цунбай не стал ничего объяснять. Он просто протянул руку и крепко сжал ладонь Янь Шаня.

Тот невольно улыбнулся. Лу Цунбай был упрямым: если не хочет говорить — и клещами слова не вытянешь.

Янь Шань мягко успокоил его:

— Наверное, ты просто переутомился в последнее время. Не волнуйся, мы едем домой, и я тоже собираюсь как следует отдохнуть. Никто меня у тебя не отнимет.

Лу Цунбай помолчал и кивнул.

Верно. Они возвращаются домой. Город А — его вотчина, его крепость. Там Шэнь Линю ловить нечего. Главное — держать эмоции под контролем и не давать Янь Шаню повода для беспокойства.

Лу Цунбай сосредоточился на дороге, решив больше не поднимать тему своего «чувства гнёта».

<http://bllate.org/book/17575/1714424>